

КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ НА ИМПЕРСКОМ ФРОНТИРЕ

А.Е. Иванеско

Аннотация. Статья посвящена анализу российского дискурса о Кавказе. Этот дискурс конструировался как ориенталистский. В своей значительной части он сформирован русской классической литературой XIX века, наделявшей Кавказ чертами романтизированного топоса — пространства свободы и плена. Сюжет кавказского пленника представлен в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.А. Бестужева-Марлинского, М. Ливенцова, Д.Л. Мордовцева и остался актуальным для русской культуры и после завершения Кавказской войны. Заданный в его рамках способ описывать и понимать Кавказ сохраняет определенное значение и в современной культурной ситуации. В профессиональной историографии сложилось понимание Кавказа как социокультурной общности — «кавказского суперэтноса» или «Кавказской цивилизации». В статье критически разбираются основания для выделения Кавказской цивилизации и анализируются возможности рассмотрения Кавказа как фронта — подвижной зоны интенсивного взаимодействия разных культур, государств и цивилизаций, в которой происходят интенсивные человеческие контакты, межкультурный обмен, заимствуются или возникают новые поведенческие нормы, формируются идентичности, сталкиваются разные лояльности и стили жизни, через которую проходит внутренняя и внешняя миграция, где образуются новые сообщества и происходит отказ от старых. Практика изучения Кавказа как фронта существенно дополняет и корректирует традиционный нарратив кавказской истории.

Ключевые слова: история Кавказа, социокультурная характеристика Кавказа, Кавказская цивилизация, фронт, концепт кавказского пленника в русской культуре, ориентализм.

Иванеско Антон Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, a.ivanenko@yandex.ru.

CAUCASIAN CAPTIVES ON THE IMPERIAL FRONTIER

Anton E. Ivanenko

Abstract. The article is devoted to the Russian discourse about the Caucasus. This discourse was constructed as orientalist. It was formed in its considerable part by the Russian classical literature of the XIX century, which gave the Caucasus the features of the romanticized topos – the space of freedom and captivity. The plot of the prisoner of the Caucasus is presented in the works of A. Pushkin, M. Lermontov, L. Tolstoy, A. Bestuzhev-Marlin, M. Liventsov, D. Mordovtsev remained relevant to Russian culture after the end of the Caucasian war. The way to describe and understand the Caucasus set in the framework of this discourse retains a certain meaning in the contemporary cultural situation. Professional historiography has developed an understanding of the Caucasus as a socio-cultural integrity – “Caucasian superethnos” or “Caucasian civilization”. The article critically examines the grounds for distinguishing the Caucasian civilization and analyzes the possibilities of considering the Caucasus as a frontier – mobile zone of intensive interaction between different cultures, states and civilizations, in which intensive human contacts, intercultural exchange take place, new behavioral norms are borrowed or arise, identities are formed, different loyalties and lifestyles are encountered, through which internal and external migration takes place, where new communities are formed and old ones are renounced. The practice of studying the Caucasus as a frontier substantially complements and corrects the traditional narrative of Caucasian history.

Keywords: history of the Caucasus, socio-cultural characteristics of the Caucasus, Caucasian civilization, frontier, the concept of Caucasian captive in Russian culture, Orientalism.

Много разных племен обитает на Кавказе.

Геродот

*И дики тех ущелий племена,
Им Бог – свобода, их закон – война...
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.*

М.Ю. Лермонтов

Приведенные в качестве эпитафии к этому тексту две максимы, по сути, задают устойчивые рамки дискурса о Кавказе, глубоко укорененного в российской культуре. Можно поменять цитату из Геродота на фрагмент сочинения Страбона или строки из поэмы «Измаил-бей» заменить «Казачьей колыбельной песней», и это практически никак не изменит характеристик стержневого образа. Этноязыковая мозаичность Кавказа, а также свободолюбие и воинственность горцев – это то немногое, что мы действительно прочно знаем на обыденном уровне о Кавказе. Эти клише воспроизводятся в устойчивом наборе эндо- и экзостереотипов (наделяемых то положительным, то отрицательным значением), тиражируются в средствах массовой информации, проявляются в профессиональной историографии.

В своей значительной части дискурс этот сформирован русской классической литературой, наделявшей Кавказ чертами мифологического топоса, где прикован к скале Прометей (ставший «исторически» первым, причем в буквальном смысле слова, пленником Кавказа) и куда пристал Ноев ковчег. Равно как и чертами романтизированного исторического топоса – пространства свободы (и благородной борьбы за независимость) и плена (ставшего экстремальным способом познания Другого и себя). Примечательно, что сюжет кавказского пленника, возникший на почве многочисленных ситуаций реального плена в период Кавказской войны и представленный в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, у беллетристов А.А. Бестужева-Марлинского, М. Ливенцова и Д.Л. Мордовцева [Layton, 1994; Багратион-Мухранели, 2013; Багратион-Мухранели, 2014; Багратион-Мухранели, 2014 а], остался актуальным для русской культуры и после «умиротворения Кавказа». Он, в частности, получил пародийную интерпретацию в фильме Л. Гайдая (1966 г.) с иронией и гротескным изображением кавказских «культурных пережитков», а в постсоветское время – новое прочтение (реж. С. Бодров-старший, 1996 г.) в связи с Чеченским конфликтом, ставшим, в общественном восприятии, ремейком Кавказской войны XIX в.

Но формировался этот образ не только как литературный феномен, он конструировался в текстах путешественников – от строго «научных» описаний земли и «туземцев» до литературных фантазий на почве путешествий по Кавказу (как у А. Дюма-отца, сравнивавшего Шамиля и Прометей [Северный Кавказ... 2007, с. 311]); в сочинениях историков и этнографов, в высказываниях чиновников имперской администрации [Северный Кавказ... 2007, с. 314 сл.].

Дискурс российского Кавказа, в том виде, в котором он стал явлением общественного сознания, привычным способом описывать и понимать Кавказ в

колониальную эпоху, конструировался как ориенталистский. «Хищничество», «первобытная дикость туземцев», живущих в «естественном состоянии», «благородные разбойники», «горская честь, доблесть и верность слову», «восточная» культурная экзотика кавказцев и величественная красота дикой природы – вот далеко не полный, но, вероятно, основной перечень составляющих его образов и концептов. Этому дискурсу, действительно, присущи черты, характеризующие западные репрезентации Востока, о которых писал Э. Саид [Саид, 2006]: Востока как Другого (культурно Чужого), экзотического, неподвижного (в отличие от прогрессистского Запада), Востока как объекта приложения культуртрегерских усилий, как пространства колонизации. Собственно, ориентализм как концепция Востока выступает в качестве интеллектуальной компоненты господства над ним европейцев.

Дискурс Кавказа как «российского Востока» не был чужд и представителям местных интеллектуальных и политических элит. В его рамках, например, высказывались о «дикой природе горцев» и их склонности к грабежу Хаджи-Али Чохский и Шамиль [Бобровников, 2002, с. 17–18].

Любопытно, что и актуальные репрезентации «кавказскости», в том числе на уровне эндостереотипики, не свободны от ориенталистских клише о «воинственных горцах». Ритуалистичность поведения (объективно это архаизирующая черта) и подчеркнутая мужественность, как правило, входят в этот репертуар характеристик, определяющих «кавказца» [Гаджиев, 2010, с. 64].

Даже те исследователи, которые критикуют концепцию специфического традиционализма, свойственного Кавказу, отмечают эту двойственность: «Между тем сами “кавказские горцы” в большинстве своем давно уже не горцы, а далекие потомки людей, которые когда-то жили в горах... Совсем другими стали местные традиции, обычное право, формы и социальная роль насилия. Сегодня эти институты выполняют иные функции. Вместе с общественными институтами меняются и взгляды. Но для самих носителей этих взглядов местная традиция предстает чем-то незабываемым и вечным» [Бобровников, 2002, с. 5].

Влияние ориентализма обнаруживается и в современных научных концепциях, представленных профессиональными учеными, например, в гипотезе М.М. Блиева [Блиев, Дегоев, 1994], согласно которой состояние перманентной войны с Россией в XIX в. вызвала «набеговая система», практиковавшаяся горцами [Северный Кавказ... 2007, с. 323–324].

Объективно сохраняет свое влияние целый ряд историографических и общественных мифов о Кавказе. Неслучайно, заметное количество исследовательских работ посвящено их деконструкции, например, разбору мифа об абречестве [Бобровников, 2002, с. 16 сл.], о невосприимчивости Кавказа к государственным реформам (в силу вменяемого региону традиционализма) [Северный Кавказ... 2007, с. 184 сл.].

Таким же историографическим мифом, вероятно, следует признать укорененное мнение об «особой глубине» живой исторической памяти на Северном Кавказе, которая

компенсировала якобы бесписьменный характер местных культур. Конкретные исследовательские кейсы нередко опровергают эти красивые представления. Так, осетины в конце XIX в. не помнили о своих аланских предках (сохраняя рудименты этнолексем «алан» в фольклоре и топонимике), пока эта идея не была сформулирована Вс.Ф. Миллером как академическая теория, потом транслирована осетинскими интеллектуалами-романтиками (А.Н. Кодзаев, В. Темирханов, Г.В. Баев) и лишь затем стала фактом общественного сознания, а уже в постсоветский период – императивом символической политики: принятие двойного наименования республики – Северная Осетия–Алания подчеркивала эксклюзивный характер аланского наследия [Шнирельман, 2006, с. 76–77]. Скорее в этой связи следует говорить о другой проблеме: историческая память на Северном Кавказе в современной ситуации «не столько складывается на основании межпоколенной трансляции или традиции, сколько внедряется в сознание в виде квазинаучных интерпретаций, отражающих идеологию и политические интересы соответствующих групп» [Битова, Боров... 1996, с. 27].

Гипотеза кавказской языковой семьи, сформулированная еще в середине XIX в., сейчас отвергнута учеными, во всяком случае в части генетического родства адыго-абхазских, нахо-дагестанских и, с другой стороны, картвельских языков [Климов, Халилов, 2003, с. 14–15], но упоминание ее не исчезло даже из академических текстов, не говоря уже о публичном дискурсе.

Вероятно, ценность идеи «кавказской языковой семьи» заключается в том, что она придает эссенциальный характер предполагаемой многими авторами общекавказской социокультурной целостности в рамках «кавказского суперэтноса» [Абдулатипов, 2007, с. 11] или «Кавказской (горской) цивилизации» [Абдулатипов, 1995, с. 56; Черноус, 1999, с. 155; Аникеев, 2000]. Но критерии, которыми руководствуются исследователи, выделяя Кавказскую цивилизацию, в частности полиэтничность, религиозный синкретизм, множественность хозяйственных укладов или преобладание потестарных форм организации [Черноус, 1999], не соответствуют устоявшимся представлениям о локальной цивилизации.

Проблема заключается в том, что, в зависимости от фокуса и перспективы, Кавказ можно представить и как исторически сформировавшуюся социокультурную общность, и как пеструю мозаику этнических культур, как сложносоставный пазл, который держится вместе только в силу «тесной» географии региона.

Как справедливо отмечает К.С. Гаджиев, «Базовые характеристики Кавказа ... определяются ...физико-географическими, территориально-пространственными, климатическими ...особенностями. Крайне рассеченная топография, создающая барьеры на пути интеграции различных народностей и племен, во многом помогает объяснить резко бросающиеся в глаза этническую разнородность Кавказа, заметную фрагментацию и локализацию этнической идентификации» [Гаджиев, 2010, с. 65]. Но, если естественные, природные границы на Кавказе характеризуются стабильностью, границы государств, этнических ареалов и религиозных миров, напротив, исторически изменчивы и текучи. Соответственно, «Жители Кавказа могли

рассматривать себя как представители религиозных “цивилизаций” (христиане, мусульмане, буддисты), но в то же время как защитники этнических интересов, подданные различных государств, участники модернизационного проекта или поборники традиционных ценностей. [...] Сама этническая, конфессиональная, национально-государственная или социальная принадлежность в кавказской “контактной зоне” подвижна» [Маркедонов, 2005, с. 9].

Все эти обстоятельства не позволяют говорить о Кавказской цивилизации, но дают основания рассматривать Кавказ в рамках темы особого типа пограничья – фронта, соответствующих ей познавательных задач и сюжетов. Л. Томпсон определяет фронт как «пространство, где происходит взаимопроникновение между обществами. Он состоит из трех компонентов: территориальный элемент, зона или территория в отличие от четких линейных границ, человеческий элемент, первоначально состоявший из отдельных и совершенно разных обществ, и элемент процесса, в котором отношения между людьми начинаются, развиваются и принимают стабильную форму. Фронт открывается в момент первого контакта между представителями обществ и закрывается, когда единая власть устанавливает политическое и экономическое господство над ними» [Thompson, 1979, p. 11]. Спецификой кавказского фронта в этом контексте является то, что он так и не был закрыт, во всяком случае, в рамках российского имперского проекта.

В зарубежной и отечественной историографии вполне сложилась фронтальная версия кавказской истории [Барретт, 2000; Северный Кавказ... 2007], которая существенным образом дополняет и корректирует традиционный исторический нарратив [История народов...с древнейших времен... 1988; История народов Северного Кавказа... 1988]. Эти исследования опираются на представление о подвижной линейной границе противостояния России и горцев (Кавказская линия против линии горских крепостей) не как о непреодолимом барьере, но, напротив, как обладающей значительным внутренним пространством, в котором происходят интенсивные человеческие контакты, межкультурный обмен, заимствуются или возникают новые поведенческие нормы, формируются идентичности, сталкиваются разные лояльности и стили жизни, через которое проходит внутренняя и внешняя миграция, где образуются новые сообщества и происходит отказ от старых. Для казаков и русских крестьян-колонистов это было еще и знакомство с новым природным окружением, болезнями и типами хозяйства, равно как рубка леса колонистами и военными властями (для подавления сопротивления горцев и хозяйственного переустройства края) меняла эти ландшафты для кавказцев.

Как отмечает М.Т. Барретт, кавказский фронт – это не просто периферия России, возникшая в рамках процесса подчинения и освоения края, но уникальное явление, ставшее результатом взаимодействия между всеми сторонами [Барретт, 2000, с. 178].

В зоне кавказского фронта происходило быстрое заимствование элементов материальной и поведенческой культуры (оружие, которое производилось преимущественно горскими ремесленниками и попадало к казакам и русским офицерам путем торговли; одежда и манера их ношения [Барретт, 2000, с. 175]). Русские

активно использовали местные традиции захвата пленников для последующего выкупа, как и практику брать заложников (аманатов) в качестве гарантии безопасности, устраивали рейды для захвата пленных и угона скота, которые нередко превращались в грабительские набеги, аналогичные нападениям горцев [Северный Кавказ... 2007, с. 148–149; Барретт, 2000, с. 177]. На Кавказе российская администрация создавала институты и формы управления (в частности, военно-народного), которые имеют аналогии в колониальных практиках Британской Индии и французского Алжира [Северный Кавказ... 2007, с. 204 сл.] и затем переносила этот опыт на другие имперские окраины, например, в Туркестан.

Подвижность, неопределенность в условиях кавказского фронта характеризовала такую, в принципе, устойчивую форму самоидентификации, как этническая принадлежность: кавказцы находили укрытия в казачьих станицах и становились казаками, те, напротив, укрывались в горах; весьма специфичным был этнический статус русских дезертиров и пленных, многое из которых женились на горянках и инкорпорировались в «туземные» сообщества [Барретт, 2000, с. 190–191].

В условиях фронта появлялись такие социо-антропологические типы (человек пограничья, русский офицер-«кавказец», русифицированная местная элита), специфические карьерные траектории чиновников, институты и практики, которые были вряд ли возможны вне этого особенного пространства.

Статьи, собранные в рубрике «Тема номера», дают возможность увидеть в конкретных историях и случаях всю специфику жизни человека на имперском фронте, функционирования институтов и норм. Так, А.А. Андреев рассматривает малоизвестный период жизни князя Александра Бековича Черкасского, сподвижника Петра I и его историю «превращения кабардинского князя знатного рода в московского дворянина».

В материале А.Х. Абазова «Кавказские суды Моздокского пограничного суда...» исследуются механизмы интеграции представителей кавказской элиты в политико-правовое пространство Российской империи посредством включения их в состав административных и судебных организаций.

Статья Р.Ю. Почакаева посвящена военной службе выдающегося государственного деятеля К.П. фон Кауфмана на Кавказе, где состоялся его первый опыт взаимодействия с «российским Востоком», перенесенный впоследствии на управление Туркестанским краем.

Д.Н. Прасолов рассматривает основные этапы общественной деятельности Т. Шипшева, достигшего на русской службе звания генерал-лейтенанта и сумевшего конвертировать карьерные достижения в весомый социальный капитал.

Наконец, материал И.В. Пашенко выходит за рамки имперского периода в истории Кавказа, но посвящен анализу феномена «женского суицидального терроризма», который он рассматривает в контексте гендерного кризиса северокавказского общества, наступившего вследствие длительного военного конфликта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абдулатипов Р. К методологии кавказоведения (постановка проблемы) // *Кавказ: история, народы, культура, религии* / Ред. Р.Г. Абдулатипов, Б.Б. Хамчиев, К.-Г.Х. Хапсироков. М.: Восточная литература, 2007. С. 10–29.
- Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // *Научная мысль Кавказа*. 1995. № 1. С. 55–58.
- Аникеев А.А. Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // *Научная мысль Кавказа*. 2000. №2. С. 25–28.
- Багратион-Мухранели И.Л. Кавказский миф русской классической литературы. Этапы и тенденции развития // *Россия – Запад – Восток: литературные и культурные связи*. Вып. 1. Межэтнические и межконфессиональные отношения в русском фольклоре и литературе. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. С. 68–80.
- Багратион-Мухранели И.Л. «Другая жизнь и берег дальний...». Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь: Изд-во Марины Битасовой, 2014. 456 с.
- Багратион-Мухранели И.Л. Массовая литература о Кавказе в XIX веке // *Известия Южного федерального университета. Сер. Филологические науки*. 2014. № 4. С. 26–35.
- Барретт М.Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология* / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 163–194.
- Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Издательство «Росет», 1994. 592 с.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.
- Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 2. С. 64–74.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 554 с.
- Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003. 511 с.
- Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов северного Кавказа). Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2004. 184 с.
- Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни кавказского региона. М.: МАКС пресс, 2005. 379 с.
- Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России / Отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 452 с.

- Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия: сб. статей / Сос. Г.Г. Лисицына и Я.А. Гордин. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 69–88.
- Рашковский Е. Кавказский меловой круг: трагические судьбы региона // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 3. С. 163–182.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунов. М.: Русский Мир, 2006. 640 с.
- Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
- Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // *Научная мысль Кавказа*. 1999. № 3. С. 154–167.
- Чиковани Н. Единый Кавказ: исторически обусловленная реальность или политические иллюзии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 5. С. 52–63.
- Шадже А.Ю. Роль этнического фактора в миротворческом процессе (на примере Кавказа). URL: <http://s-history.adygnet.ru/struct/peace1.pdf> (дата обращения – 25 августа 2018 г.).
- Шнирельман В.А. Быть Аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.
- Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy // *Cambridge Studies in Russian Literature*. Ed. Malcolm Jones. Cambridge: CUP, 1994. 370 p.
- Thompson L. The comparative Studies of the Frontier. An Introduction // *The Frontier Comparative Studies*. Bd. 2. Norman, 1979. Pp. 3–24.

REFERENCES

- Abdulatipov R. K metodologii kavkazovedeniya (postanovka problemy) [Methodology of Caucasus Studies (statement of the problem)], in *Kavkaz: istoriya, narody, kul'tura, religii* [Caucasus: history, peoples, culture, religions] / Red. R.G. Abdulatipov, B.B. Hamchiev, K.-G.H. Hapsirokov. M.: Vostochnaya literatura, 2007. Pp. 10–29 (in Russian).
- Abdulatipov R.G. Kavkazskaya tsivilizatsiya: samobytnost' itselostnost' [Caucasian civilization: identity and integrity], in *Nauchnaya mys'l' Kavkaza*. 1995. № 1. Pp. 55–58 (in Russian).
- Anikeev A.A. Kontseptsiya severokavkazskoy tsivilizatsii kak sovremennaya paradigma kavkazovedeniya [The Concept of the North Caucasian Civilization as a Modern Paradigm of the Caucasus Studies], in *Nauchnaya mys'l' Kavkaza*. 2000. № 2. Pp. 25–28 (in Russian).
- Bagration-Muhraneli I.L. Kavkazskiy mif russkoy klassicheskoy literatury. Etapy i tendentsii razvitiya [The Caucasian myth of Russian classical literature. Stages and

development tendencies], in *Rossiya – Zapad – Vostok: literaturnye i kul'turnye svyazi. Vyp. 1 Mezhetnicheskie i mezhkonfessional'nye otnosheniya v russkom fol'klore i literature* [Russia – West – East: literary and cultural ties. Is. 1. Interethnic and inter-confessional relations in Russian folklore and literature]. SPb.: Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2013. Pp. 68–80 (in Russian).

Bagration-Muhraneli I.L. *“Drugaya zhizn' i bereg dal'niy...”*. *Reprezentatsiya Gruzii i Kavkaza v russkoy klassicheskoy literature* [“Another life and a distant shore ...”. Representation of Georgia and the Caucasus in Russian classical literature]. Tver': Izd-vo Mariny Bitasovoy, 2014. 456 p. (in Russian).

Bagration-Muhraneli I.L. *Massovaya literatura o Kavkaze v XIX veke* [Mass literature on the Caucasus in the XIX century], in *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2014. № 4. Pp. 26–35 (in Russian).

Barrett M.T. *Linii neopredelennosti: severokavkazskiy “frontir” Rossii* [Uncertainty lines: the North Caucasian “frontier” of Russia], in *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorskiy period: Antologiya* [American Russian Studies: milestones of historiography of recent years. Imperial period: Anthology] / Sost. M. Devid-Foks. Samara: Izd-vo “Samarskiy universitet”, 2000. Pp. 163–194 (in Russian).

Bliev M.M., Degoev V.V. *Kavkazskaya voyna* [The Caucasian War]. M.: Izd-vo “Roset”, 1994. 592 p. (in Russian).

Bobrovnikov V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychay, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence: Essays on the history and ethnography of the law of Nagorny Dagestan]. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 368 p. (in Russian).

Gadzhiev K.S. *Etnonatsional'naya i geopoliticheskaya identichnost' Kavkaza* [Ethnonational and geopolitical identity of the Caucasus], in *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. № 2. Pp. 64–74 (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) [History of the peoples of the North Caucasus (end of the XVIII century - 1917)]. Otv. red. A.L. Narochitskiy. M.: Nauka, 1988. 659 p. (in Russian).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshih vremen do kontsa XVIII v. [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Otv. red. B.B. Piotrovskiy. M.: Nauka, 1988. 554 p. (in Russian).

Klimov G.A., Halilov M.Sh. *Slovar' kavkazskih yazykov: Sopostavlenie osnovnoy leksiki* [Dictionary of the Caucasian languages: Comparison of the basic vocabulary]. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 511 p. (in Russian).

Kuznetsov V.A. *Vvedenie v kavkazovedenie (istoriko-etnologicheskie ocherki narodov severnogo Kavkaza)* [Introduction to Caucasian studies (historical and ethnological essays of the peoples of the North Caucasus)]. Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva, 2004. 184 p. (in Russian).

Markedonov S.M. *Etnonatsional'nyy i religioznyy faktor v obschestvenno-politicheskoy zhizni kavkazskogo regiona* [Ethno-national and religious factor in the socio-political life of the Caucasus region]. M.: MAKS press, 2005. 379 p. (in Russian).

- Mental'nye programmy i modal'nye modeli sotsial'nogo povedeniya na YUge Rossii* [Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia]. Otv. red. A.V. Lubskiy. M.: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2017. 452 p. (in Russian).
- Oleynikov D.I. Rossiya v Kavkazskoy voynе: poiski ponimaniya [Russia in the Caucasian War: the search for understanding], in *Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya: sb. statey* [Russia and the Caucasus through two centuries]. Sos. G.G. Lisitsyna i YA.A. Gordin. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda", 2001. Pp. 69–88 (in Russian).
- Rashkovskiy E. Kavkazskiy melovoy krug: tragicheskie sud'by regiona [Caucasian Chalk Circle: tragic destinies of the region], in *Pro et Contra*. 2002. T. 7. № 3. Pp. 163–182 (in Russian).
- Said E.V. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Per. s angl. A.V. Govorunov. M.: Russkiy Mir, 2006. 640 p. (in Russian).
- Severnyy Kavkaz v sostave Rossiyskoy imperii* [North Caucasus in the Russian Empire]. Otv. red. V.O. Bobrovnikov, I.L. Babich. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p.
- Hantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. M.: OOO "Izdatel'stvo AST", 2003. 603 p. (in Russian).
- Chernous V.V. Rossiya i narody Severnogo Kavkaza: problemy kul'turno-tsivilizatsionnogo dialoga [Russia and the peoples of the North Caucasus: the problems of cultural and civilizational dialogue], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1999. № 3. Pp. 154–167 (in Russian).
- Chikovani N. Edinyy Kavkaz: istoricheski obuslovlennaya real'nost' ili politicheskie illyuzii [The United Caucasus: historically conditioned reality or political illusions], in *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2005. № 5. Pp. 52–63 (in Russian).
- Shadzhe A.Yu. *Rol' etnicheskogo faktora v mirotvorcheskom protsesse (na primere Kavkaza)* [The role of the ethnic factor in the peace process (on the example of the Caucasus)]. Available at: <http://s-history.adygnet.ru/struct/peace1.pdf> (accessed 25 August 2018) (in Russian).
- Shnirel'man V.A. *Byt' Alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: intellectuals and politicians in the North Caucasus in the twentieth century]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 696 p. (in Russian).
- Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy, in *Cambridge Studies in Russian Literature*. Ed. Malcolm Jones. Cambridge: CUP, 1994. 370 p.
- Thompson L. The comparative Studies of the Frontier. An Introduction, in *The Frontier Comparative Studies*. Bd. 2. Norman, 1979. Pp. 3–24.